

Пасынки Вселенной

Часть I

ВСЕЛЕННАЯ

Экспедиция к Проксиме Центавра, спонсируемая Фондом Джордана¹ и стартовавшая в 2119 году, была первой документально зафиксированной попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О несчастной судьбе экспедиции мы можем только гадать...

*Цит. по: Франклин Бак.
Романтики современной астрографии,
Люкс транскрипшн лимитэд, 3.50 кр.²*

— Берегись! Мут!

От этого вскрика Хью Хойланд резко, не теряя ни секунды, наклонился.

В переборку над его головой грянула железка размером с яйцо. Запросто разнесло бы череп.

Инерция движения, сделанного Хойландом, привела к тому, что ноги оторвались от пола. Прежде чем его тело опустилось на палубу, Хью дотянулся ступней до переборки позади себя и оттолкнулся. Длинным, плавным прыжком он пересек проход, держа нож наготове.

Сгруппировавшись в полете, он перевернулся в воздухе, затормозил движение, коснувшись противоположной стены, и медленно опустился на ноги. Отсюда был виден боковой проход, куда скрылся мут. Коридор был пуст. Двое товарищей приблизились к нему, неловко скользя по полу.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Да, — ответил Хойланд. — Я его разглядел, когда он прыгал в люк. Похоже, это была самка. И кажется, у нее четыре ноги.

¹ Название Фонда вызывает сразу несколько ассоциаций. Во-первых, оно может быть связано с увековечиванием имени итальянского философа Джордано Бруно (1548–1600), последователя Коперника, впервые высказавшего мысль о множественности обитаемых миров во Вселенной. Во-вторых, как справедливо заметил писатель Андрей Балабуха, именно так звучит по-английски название библейской реки Иордан — последнего рубежа перед входом в Землю обетованную, а ведь создатели Фонда тоже думали о достижении новых рубежей — далеких звезд.

² Кр. — сокращение от кредитов, принятая денежная единица в мире будущего Р. Хайнлайна.

— Две ноги или четыре, все равно уже не поймает, — заметил третий юноша.

— А на кой Хафф его ловить? — возразил Махони. — Я не собираюсь.

— А я собираюсь, — сказал Хойланд. — И Джордан меня побери, возьми он дюйма на два выше, я был бы уже массой для Конвертера.

— Вы можете хоть два слова связать без ругани? — упрекнул третий. — Слышал бы вас Капитан! — С этими словами он почтительно коснулся лба.

— Ох, ради Джордана, — отрезал Хойланд, — не будь таким занудой, Морт Тайлер! Ты ведь еще не ученый. Думаю, во мне не меньше благочестия, чем в тебе, а дать иногда волю чувствам — это не смертный грех. Так даже ученые поступают. Я слышал.

Тайлер открыл было рот, чтобы возразить, но, очевидно, передумал.

Махони тронул Хойланда за руку.

— Слушай, Хью, — взмолился он, — давай выбираться отсюда. Мы еще никогда так высоко не забирались. Мне тут не по себе — хочу вниз, почувствовать сколько-нибудь веса в ногах.

Хойланд, крепко сжимая нож, с тоской поглядел на люк, в котором скрылся противник, и повернулся к Махони!

— Ладно, малыш. Все равно еще спустаться и спустаться.

Он повернулся и заскользил к люку, через который они попали на этот уровень. Двое остальных следовали за ним. Не обращая внимания на лестницу, он шагнул в проем и стал медленно опускаться на палубу в пятнадцати футах вниз. Тайлер и Махони последовали за ним. Через следующий люк, в нескольких футах от предыдущего, они попали на другую палубу. Вниз, вниз — они падали все ниже и ниже, через десятки палуб, каждая из которых была тиха, тускло освещена и таинственна. Каждый раз они падали чуть быстрее, приземлялись чуть жестче. Наконец Махони запротестовал:

— Давай пешком пойдём, Хью. От последнего прыжка я ноги отшиб.

— Ладно. Только это будет дольше. Где мы сейчас? Кто-нибудь вел счет?

— До фермы еще около семидесяти палуб, — ответил Тайлер.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Я считал, тупица. А когда мы спустились, я отнимал единицу после каждой палубы.

— Врешь. Никто, кроме ученых, так считать не может. Думаешь, если учишься читать и писать, так уже все знаешь?

Хойланд пресек разгорающуюся ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он и правда умеет. Он у нас головастый в таких вещах. В любом случае осталось палуб семьдесят — видно по тяжести.

— А слабо ему пересчитать лезвия на моем ноже?

— Хватит, я сказал! Дуэли за пределами деревни запрещены. Это Правило.

Дальше они продвигались в молчании, легко сбегая вниз по лестницам, пока увеличивающийся с каждой палубой вес не заставил их перейти на более степенный шаг. Наконец они достигли уровня, который был ярко освещен и по высоте был вдвое больше остальных. Воздух был влажным и теплым; растительность закрывала обзор.

— Ну вот мы и внизу, — сказал Хью. — Не узнаю эту ферму. Должно быть, мы спустились с другой стороны.

— Вон фермер, — сказал Тайлер. Он вложил мизинцы в рот и свистнул, а потом крикнул: — Эй! Земляк! Где мы?

Крестьянин медленно оглядел их, потом неохотно процедил, как дойти до главного прохода, откуда можно добраться до их родной деревни.

Они прошли бодрым шагом полторы мили по широкому туннелю. Дорога была умеренно оживленной — путники, носильщики, иногда ручные тележки. В маленьком портшезе высокомерно раскачивался ученый, несли его четверо рослых прислужников, а впереди шествовал старшина корабельной полиции, разгоняя с дороги простонародье. Через полторы мили дорога привела их к родной деревне — просторному отсеку в три палубы высотой и, пожалуй, вдесятеро шире. Тут их пути разошлись. Хью направился к себе в кадетскую казарму, где обитали неженатые парни, не пожелавшие жить с родителями. Он вымылся и пошел в каюту своего дяди, у которого работал за еду. Тетка покосилась на него в дверях, но промолчала, как и пристало женщине.

— Привет, Хью! — поздоровался дядя. — Все исследуешь?

— Доброй еды, дядя. Исследую.

Дядя, уравновешенный и разумный человек, благодушно любопытствовал:

— Где же ты был? Что нашел?

Тетка молча выскользнула из комнаты и вернулась с ужином, который поставила перед племянником. Хью набросился на еду; ему и в голову не пришло поблагодарить. Он прожевал кусок, прежде чем ответить.

— Высоко. Мы добрались почти до невесомости. Мут мне чуть голову не снес.

Дядя усмехнулся:

— Ты найдешь свою смерть в этих проходах, парень. Лучше бы тебе побольше интересоваться моим делом, пока я не умер и не уступил тебе место.

На лице Хью выразилось упрямство.

— Разве вам самому не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, я порядком успел полюбопытствовать в молодости. Я прошел весь главный проход туда и обратно. Проходил прямо сквозь Темный Сектор, где муты наступают на пятки! Видишь этот шрам?

Хью кинул рассеянный взгляд. Он видел шрам много раз и наслушался этого рассказа до тошноты. Одна вылазка в глубину Корабля — тьфу! Он хотел побывать всюду, увидеть все и понять сущность вещей. Эти верхние уровни — зачем Джордан создал их, если человеку не дозволено забираться так высоко?!

Однако он оставил свои мысли при себе и продолжил трапезу. Дядя сменил тему.

— Я собираюсь сходить к Свидетелю. Джон Блэк утверждает, что я задолжал ему трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Ну, нет, наверное... Хотя подождите... Я пойду.

— Тогда поспеши.

У кадетских казарм они задержались, чтобы Хью отпросился.

Свидетель жил в маленькой вонючей каюте, дверь которой выходила в Общий Зал как раз напротив казарм; там его мог видеть всякий, кому понадобится его помощь. Они застали его сидящим в дверях и ковыряющим в зубах пальцем. Ученик Свидетеля, прыщавый подросток с напряженным близоруким взглядом, сидел на корточках позади.

— Доброй еды! — сказал дядя Хью.

— И тебе доброй еды, Эдард Хойланд. Пришел по делу или просто поболтать со стариком?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя Хью и изложил свою проблему.

— Так? — сказал Свидетель. — Что ж — в контракте ясно сказано:

Отдал Эду Черный Джон
Десять бушелей овса.
Ожидал в уплату он
Двух грядущих поросят.
Как дозреют поросята —
Джон свою получит плату.

Подросли свиньи, Эдард Хойланд?

— Порядком, — признал дядя. — Но Блэк требует трех вместо двух.

— Передай ему — пусть чуток остынет. «Свидетель сказал свое слово». — И он засмеялся тоненьким голосом.

Потом они посплетничали пару минут, Эдард Хойланд углубился в рассказ о своих последних делах, желая удовлетворить ненасытную жажду подробностей, которую он знал за стариком. Хью сохранял пристойное молчание, пока старшие разговаривали. Однако, когда дядя собрался уходить, он произнес:

— Я останусь ненадолго, дядя.

— Э? Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдард Хойланд.

— Я принес вам подарок, Свидетель, — сказал Хью, когда дядя отошел за пределы слышимости.

— Дай взглянуть.

Хью вытащил упаковку табака, которую предусмотрительно взял в своем шкафчике в казарме. Свидетель принял ее без благодарности и перебросил ученику, чтобы тот припрятал.

— Зайди, — пригласил Свидетель, потом обратился к ученику: — Эй, ты! Принеси кадету стул. Ну, парень, — продолжил он, когда они уселись, — расскажи мне, чем ты занимаешься.

Хью принялся рассказывать, как можно подробнее описывая приключения последнего похода, а Свидетель, не переставая, ругал его за неспособность запомнить все, что он видел.

— У вас, молодых, нет никаких способностей, — твердил он. — Никаких способностей! Даже этот тупица, — он кивнул в сторону ученика, — даже у него их нет, хоть он и в двадцать раз толковее тебя. Ты не поверишь, он и тысячи строк за день всосать не может, а надеется сесть на мое место, когда меня не станет.

Да когда я был учеником, я эту тысячу строк читал про себя на сон грядущий, как колыбельную. Бурдюки вы дырявые — вот вы кто!..

Хью не спорил со стариком, но все равно пришлось долго ждать пока он выговорится. Наконец тот спросил:

— Так ты хотел задать мне вопрос, парень?

— Вроде того, Свидетель.

— Ну так задавай. Что ты мямлишь?

— Вы когда-нибудь забирались наверх так высоко, где уже нет веса?

— Я? Конечно нет. Я ведь был Свидетелем, учился своему призванию. Нужно было запомнить строки всех Свидетелей до меня, а на мальчишечьи развлечения времени не было.

— Я надеялся, что вы скажете мне, что там может быть...

— А, ну это другое дело. Я никогда туда не забирался, но во мне память стольких верхолазов, сколько ты никогда не видел. Я старый человек. Я знал отца твоего отца, а перед тем его деда. Что ты хочешь знать?

— Ну...

Что же он хочет узнать? Как задать вопрос, который был всего лишь ноющей болью у него в груди? И все же...

— Для чего это все, Свидетель? Зачем все эти уровни над нами?!

— Э? Что это ты?.. Во имя Джордана, сынок, — я Свидетель, а не ученый!

— Ну... я думал, Вы должны знать. Извините.

— А я знаю. Ответ — в Строках из «Начала».

— Я слышал их.

— Послушай еще раз. Все ответы — там, если у тебя хватит мудрости понять их. Помогай мне. Впрочем, нет — дадим возможность моему ученику проявить свои знания. Эй, ты! Строки из «Начала» — и следи за ритмом.

Ученик облизал губы и начал:

Джордан был допрежь начала; до всего
были мысли одинокие его,
И была до человека пустота,
что безжизненна, безвидна и пуста.
Породило одиночество порыв
и стремление, путь решению открыв;
И воздета длань Создателя была,
и Корабль сплотился из Его тепла —

Протяженья добрым полнились жильем,
был хранилищ для зерна велик объем;
Переходы, всходы, двери и чулан —
для покуда не рожденных поселян.
И решил Творец, что мир уже готов
к восприятию венца Его трудов.
Человек замыслен был венцом всего,
но ключа не оказалось от него.
А ведь диким, без бразды и борозды,
он испортил бы Создателя труды.
И Всевышний Уложенья даровал —
хаос в людях ограничил и сковал.
Чтобы каждый, целям маленьким служа,
неустанно и незримо приближал
Воплощение высоких дум Творца,
чтоб порядок снизошел во все сердца.
Джордан создал для работы Экипаж
и ученых — направлять единый План.
А судьбою — так решил Создатель наш —
был поставлен над народом Капитан.
То был золотой век!
Только Джордан в совершенство облачен,
а у прочих совершенства нет ни в чем:
Зависть, жадность и гордыня ищут нас,
чтоб в умах свои посеять семена.
Первым их в себе взрастил зловещий Хафф —
проклят будь, слуга гордыни и греха!
Насадив сомненья ли, безверье ли,
бунт его советы злые разожгли;
Кровь творений Божьих запятнала пол,
Капитан в Полет безвременный ушел,
и пути народа проглотила тьма...

Старик ударил мальчишку по губам тыльной стороной ладони.

— Заново!

— Сначала?

— Нет! С того места, где ты ошибся.

Мальчик замялся, потом исправился:

...Повсеместно грех возобладал в умах,
и пути народа поглотила тьма...¹

Мальчишечий голос бубнил, стих за стихом, многословную, но невнятную старую-престарую историю о грехе, бунте и времени тьмы. Как наконец возобладала мудрость и тела главарей

¹ Перевод Эльвиры Байгильдеевой.

смутьянов были отправлены в Конвертер. Как некоторые из смутьянов спаслись от Путешествия и породили первых муттов. Как выбрали нового Капитана после многих молитв и жертвоприношений.

Хью неловко ерзал, переступал ногами. Разумеется, ответы на его вопросы были здесь, ведь это священные строки, но он не мог охватить их разумом. Зачем? Что все это значит? Неужели в жизни нет ничего, кроме еды, сна и, в конце концов, долгого Путешествия? Разве Джордан не хотел, чтобы его поняли? Тогда откуда эта боль в груди? Этот голод, который не проходит даже после доброй еды?..

Когда, поспав, Хью разговлялся, к дверям дядиной каюты подошел ординарец.

— Ученый требует присутствия Хью Хойланда, — вежливо произнес он.

Хью знал, что этим ученым был Лейтенант Нельсон, отвечавший за духовное и физическое благополучие того сектора Корабля, где находилась и родная деревня Хью. Он проглотил остатки завтрака и поспешил за посыльным.

— Кадет Хойланд! — объявили о его прибытии.

Ученый поднял глаза от своего завтрака и сказал:

— Ах да. Заходи, мой мальчик. Садись. Ты уже ел?

Хью признался, что ел, но глаза его с интересом возвращались к странному фрукту на тарелке старшего. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти фиги... Новая мутация — их принесли с дальней стороны. Давай, давай — мужчина в твоём возрасте всегда найдет место для пары лишних кусочков.

Хью застенчиво принял приглашение. Никогда раньше он не ел в присутствии ученого. Старец откинулся на стуле, вытер пальцы о рубашку, расправил бороду и сказал:

— Я не видел тебя в последнее время, сынок. Расскажи мне, чем ты занимался.

Прежде чем Хью успел ответить, он продолжал:

— Нет, не говори мне — я сам скажу. Во-первых, ты ходил в экспедиции, исследовал запретные зоны Корабля. Не так ли?

Он смотрел молодому человеку прямо в глаза. Хью судорожно размышлял, что сказать в ответ.

Но ему снова не дали ответить.

— Ладно, я это знаю, и ты знаешь, что я знаю. Я не слишком сержусь. Но этот факт заставил меня задуматься, что пришло время решать, что ты будешь делать в жизни. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Ну... никаких определенных планов, сэр.

— Как насчет той девчонки, Эдрис Бакстер? Собираешься жениться на ней?

— Ну... хм... я не знаю, сэр. Я бы, наверное, хотел, и ее отец, наверное, согласен. Только...

— Только что?

— Ну... он хочет, чтобы я работал на его ферме. Наверное, это хорошая идея. Его ферма плюс дело моего дяди — это было бы порядочное состояние...

— Но ты не уверен, что это хорошая идея?

— Ну... я не знаю.

— Именно. Тебе это не по душе. У меня есть другие планы. Скажи, ты когда-нибудь задумывался, почему я учил тебя читать и писать? Конечно задумывался. Но ты держал это при себе. Это хорошо. Теперь слушай. Я наблюдал за тобой с тех пор, как ты был ребенком. У тебя больше воображения, чем у остальных, больше любопытства, больше энергии. И ты прирожденный лидер. Еще младенцем ты отличался от других. У тебя была слишком крупная голова, и кое-кто на твоём первом осмотре проголосовал за то, чтобы сразу спустить тебя в Конвертер. Но я их отговорил. Я хотел посмотреть, что из тебя выйдет. Крестьянская жизнь не для таких, как ты. Ты должен быть ученым.

Старик замолчал и стал разглядывать его лицо. Хью был так смущен, что потерял дар речи. Нельсон продолжал:

— Да-да, действительно, для человека с твоим темпераментом есть только два выхода: стать одним из блюстителей порядка или отправиться в Конвертер.

— Вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

— Если прямо — то да. Оставлять в Экипаже блестящие умы — значит плодить ересь. Мы не можем пойти на это. Однажды это произошло — и род человеческий оказался на грани уничтожения. Ты блеснул исключительными способностями; теперь тебе пристало научиться мыслить правильно, прикоснуться к тайнам, стать охраняющей силой, а не очагом скверны и источником забот.

Вновь появился ординарец, отягощенный поклажей, свалил ее на палубу. Хью взглянул и выпалил:

— Ой!.. Это же мои вещи!

— Конечно, — признал Нельсон. — Я послал за ними. Теперь ты будешь жить здесь. Позже мы начнем заниматься — если ты не передумал.

— Конечно нет, сэр. Думаю, нет. Должен признаться, я немного растерян. Видимо... видно, вы не хотите, чтобы я женился?

— Ах *это*? — безразлично хмыкнул Нельсон. — Женись, если хочешь, теперь ее отец не посмеет возразить. Но помяни мое слово, она тебе быстро надоест.

Хью Хойланд жадно пожирал древние книги, которые наставник разрешил ему прочесть, и на многие-многие циклы сна лишился желания слазить наверх, да и вообще выползть из каюты Нельсона. Неоднократно он чувствовал, что напал на след разгадки тайны — тайны пока еще неопределенной, не оформленной даже в виде вопроса, — но только еще больше запутывался. Постичь мудрость ученых оказалось сложнее, чем он думал.

Однажды, когда он размышлял над странными и запутанными характерами древних и пытался разобраться в их причудливой риторике и незнакомой терминологии, Нельсон зашел в тесную квартиру и, отечески положив руку ему на плечо, спросил:

— Как дела, сынок?

— Ну, вполне нормально, сэр, мне кажется, — ответил Хью, откладывая книгу в сторону. — Кое-что мне не совсем понятно — совсем непонятно, честно говоря.

— Этого следовало ожидать, — спокойно произнес старик. — Я оставил тебя для начала побороться самому, чтобы ты увидел ловушки, в которые может попасть неискушенный ум, если не получит поддержки. Многие из этих вещей невозможно понять без обучения. Что это у тебя? — Он поднял книгу и взглянул на обложку. «Основы современной физики». — Вот как? Это одна из самых ценных священных книг, но непосвященному в ней не разобраться без посторонней помощи. Первое, что ты должен понять, мой мальчик, — это то, что наши предки, при всем их духовном совершенстве, смотрели на мир иначе, чем мы.

Они были неисправимыми романтиками, а не практиками, как мы, и истины, которые они передали нам, хоть и остаются

несомненно верными, часто переданы языком аллегорий. Например, ты дошел до Закона Гравитации?

— Я читал об этом.

— Понял ли ты его? Нет, я вижу, что нет.

— Ну, — сказал Хью, оправдываясь. — Кажется, он не значит *ничего*. И он вообще глупо звучит, если можно так выразиться.

— Вот-вот! Это превосходная иллюстрация к тому, что я сказал. Ты понимал его в буквальном смысле, как законы, управляющие действием электрических аппаратов, которые можно найти в этой же книге. «Два тела притягивают друг друга прямо пропорционально их массе и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними». Похоже на формулировку обычного физического закона, не так ли? И все же — ничего подобного; таким поэтическим способом предки выразили влечение, которым движет любовь. Тела здесь — это человеческие существа, масса — это их способность к любви. Молодые в большей мере наделены этой способностью, чем старики; соединяясь, они влюбляются, но, разделенные, быстро остывают. «С глаз долой — из сердца вон». Очень просто. А ты искал здесь какой-то глубокий смысл.

Хью улыбнулся:

— Мне не пришло это в голову. Теперь я понимаю, мне еще многого не понять без вашей помощи.

— Что-то еще беспокоит тебя?

— О да, множество вещей, хотя сейчас я, наверное, не вспомню всего. Да, вот еще... Скажи, учитель: можно ли муттов считать людьми?

— Вижу, ты наслушался досужих разговоров. Отвечу: и да и нет. Конечно, муты когда-то произошли от людей, но они больше не входят в Экипаж — теперь они не принадлежат к роду человеческому, так как преступили Закон Джордана.

— Это обширная тема, — продолжал он воодушевленно. — Под вопросом даже изначальное значение слова «мут»¹. Несомненно, первыми мутами — раньше говорили «смутами» — были смутьяны, избежавшие смерти в эпоху бунта. В их жилах течет кровь многих смутировавших, рожденных в темные времена.

¹ В английском языке «*mut*» является первым слогом и слова «мутант» (*mutant*), и слова «мятежник» (*mutineer*).

Ты, конечно, знаешь, что тогда еще не было мудрого закона — искать печать греха у каждого новорожденного и возвращать в Конвертер любого мутанта. И теперь еще в темных переходах и на пустынных уровнях таится множество странных и ужасных существ.

Хью некоторое время размышлял об этом, потом спросил:

— Почему мутации все еще проявляются среди нас, людей?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще в нас. Время от времени оно прорастает. Искореняя чудовищ, мы очищаем род человеческий и тем самым приближаемся к исполнению Плана Джордана, к концу Путешествия, к нашему горнему чертогу, Далекому Центавру.

Хойланд снова нахмурился:

— Есть еще кое-что, чего я не понимаю. Многие древние письма говорят о Путешествии как о реальном *движении*, перемещении куда-то, как будто Корабль — это что-то вроде тележки. Как это может быть?

Нельсон заулыбался:

— В самом деле, как? Как может двигаться то, что само есть вместилище всего, что движется? Ответ, конечно, прост. Ты снова спутал аллгорию с обыденным. Разумеется, сущий Корабль недвижим в физическом смысле. Как может перемещаться Вселенная? Тем не менее он движется в *духовном* смысле. С каждым праведным деянием мы приближаемся к завершению Божественного Плана Джордана.

Хью кивнул:

— Кажется, я понимаю.

— Конечно, Джордан мог бы создать мир в любом ином виде, а не в виде Корабля, если бы это соответствовало его замыслу. В прежние времена, когда человечество было моложе и поэтичнее, святые отцы устраивали целые состязания, измышляя миры, которые мог бы создать Джордан. Одна из школ породила целую мифологию о странном мире, где все вверх дном, — там бесконечные пустые просторы, где блещут булавочными уколами редкие точки света и витают бестелесные мифические монстры. Они называли это миром небесным или небесами, как бы противопоставляя его суровой реальности Корабля. Надо думать, они неустанно пытались мыслью постичь Корабль и измышляли всякие нюансы, пытаясь его осмыслить. Думаю, они трудились к вя-

щей славе Джордана, и кто скажет, как бы Он рассудил их грезы? Но мы живем в иное время, и у нас более серьезные задачи.

Хью не интересовался астрономией. Даже его девственный разум понимал, что это учение чересчур абстрактно и оторвано от жизни. Он обратился к более насущным проблемам:

— Если муты — это семена зла, почему же нам не избавиться от них? Не будет ли это деянием, приближающим исполнение Плана?

Старик помедлил немного, прежде чем ответить.

— Справедливый вопрос и заслуживает прямого ответа. Поскольку ты будешь ученым, тебе необходимо знать ответ. Посуди сам: Корабль может обеспечить лишь ограниченное количество членов Экипажа. Если мы будем неограниченно плодиться, наступит момент, когда на всех не хватит доброй еды. Разве не лучше, если некоторые из нас погибнут в стычках с мутами, нежели станут убивать друг друга из-за пищи?

Пути Джордана неисповедимы. Даже мутам отведено место в Его Плане.

Это звучало разумно... Но зерно сомнения осталось.

Однако, когда Хью был переведен на активную работу в качестве младшего ученого по обслуживанию функций Корабля, он узнал, что есть и другие мнения. По обычаю, некоторое время он обслуживал Конвертер. Работа была необременительной; в основном ему приходилось проверять отходы, доставляемые носильщиками из разных деревень, вести учет их вкладу и следить, чтобы металл, годный для переработки, не попадал в бункер первой ступени. Но именно там он познакомился с Биллом Эртцем, помощником Главного Инженера. Он был чуть постарше Хью.

С ним он обсуждал все, что узнал от Нельсона, и был обескуражен позицией Эртца.

— Подумай своей головой, малыш, — говорил Эртц. — Это реальная работа для реальных мужчин. Забудь эту романтическую чепуху. План Джордана! Эта ерунда нужна для того, чтобы держать в узде крестьян, но ты-то на это не покупайся! Никакого Плана нет — есть только наши собственные насущные планы. На Корабле должны быть свет, тепло, энергия для гидропоники и приготовления пищи. Экипаж не может обойтись без этого, поэтому мы — главные в Экипаже. Что же до мягкотелой терпи-

мости к мутам, то скоро ты увидишь кое-какие перемены! Держи язык за зубами и держись нас.

Хью смекнул, что ему следует присмотреться к группе молодых ученых. Они создали свою сплоченную организацию и были практичными, трезвомыслящими людьми, работавшими, как они это понимали, на благо всего Корабля. Сплоченность их держалась на том, что новичок, не разделявший их взглядов, заканчивал плохо. Либо он переставал соответствовать званию и снова мигом оказывался среди крестьян, либо, чаще, с ним происходил несчастный случай и он отправлялся в Конвертер.

И Хойланд начинал понимать, что они правы.

Они реалисты. Корабль есть Корабль. Это факт, не требующий объяснений. Что касается Джордана — кто Его видел, кто с Ним говорил? Что значит Его туманный План? Цель жизни — жизнь. Человек рождается, проживает жизнь, потом отправляется в Конвертер. Это было так просто, и в этом не было никакой загадки, никакого возвышенного Путешествия и никакого Центавра. Эти романтические истории — просто отрывок детства человечества, когда люди еще не приобрели понимания и смелости смотреть в лицо фактам.

Он перестал забивать голову астрономией и мистической физикой и всей остальной мифологией, перед которой его научили преклоняться. Ему по-прежнему нравились строки из «Начала» и все эти старинные рассказы о Земле (кстати, что за «Земля» такая, Хафф бы ее побрал?), но теперь он понимал, что воспринимать их серьезно могут только дети и полные олухи.

К тому же он был очень занят. Молодежь, формально подчиняясь власти старших, лелеяла и собственные планы. На первом месте стояло планомерное уничтожение мутов. Кроме того, хотя их намерения были еще не окончательно определены, они предполагали начать полное использование ресурсов Корабля, включая верхние уровни. Молодые люди могли осуществлять свои планы, не вступая в открытую конфронтацию со старшими, просто потому, что старшим ученым было наплевать на обыденные проблемы Корабля. Нынешний Капитан так растолстел, что редко показывался из своей каюты; его помощник из молодых присматривал за делами вместо него.

Хойланд никогда не видел Главного Инженера, за исключением одной встречи на литургии по освящению Посадочных Модулей.

Проект истребления мутов между тем требовал тщательной разведки верхних уровней, которые проводились на систематической основе. Однажды во время такой вылазки Хью Хойланд снова угодил в засаду мутов.

Этот мут владел пращей лучше предыдущего. Напарники Хойланда, уступив силе, ретировались, оставив его умирать.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Были времена, когда он играл и в карты, но Джо, правая голова, начал подозревать Джима, левую голову, в шулерстве. Они долго ссорились, а потом бросили это дело, потому что еще в самом начале своего совместного пути поняли, что две головы на одних плечах должны все же как-то уживаться.

Шашки их устраивали. Оба видели доску, что исключало споры.

Громкий металлический стук в дверь каюты прервал игру. Джо-Джим вытащил из ножен свой метательный нож и перехватил его поудобнее.

— Заходи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший спиной вперед вошел в комнату — все знали, что это единственный безопасный способ войти к Джо-Джиму. Вошедший был крепко сбитый и мощный детина, но не более четырех футов ростом. Он нес на плече, придерживая рукой, обмякшее тело.

Джо-Джим вернул нож в ножны.

— Клади его, Бобо, — велел Джим.

— И дверь закрой, — добавил Джо. — Ну, что притащил?

Это оказался молодой человек — похоже, мертвый, хотя ран на нем не было. Бобо погладил его по бедру.

— Съедим? — с надеждой спросил он. Слюна сползла из его приоткрытого рта.

— Возможно, — уклонился Джим. — Ты убил его?

Бобо потряс своей несоразмерно маленькой головой.

— Молодец, Бобо, — одобрил Джо. — Куда ты ему попал?

— Бобо попал ему *туда*. — Микроцефал¹ ткнул безжизненное тело толстым большим пальцем между пупком и грудиной.

¹ *Микроцефалы* — люди, отличающиеся ненормально малой величиной черепа и, соответственно, головного мозга.

— Хороший выстрел, — одобрил Джо. — Не хуже, чем мы могли бы ударить ножом.

— Бобо *хороший* выстрел, — радостно согласился карлик. — Хочешь посмотреть? — Он с готовностью вытащил пращу.

— Заткнись, — беззлобно сказал Джо. — Нет, мы не хотим смотреть; мы хотим, чтобы он заговорил.

— Бобо исправить, — согласился коротышка и приступил к делу с простодушной жестокостью.

Джо-Джим оттолкнул его и применил другие методы, болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы карлика.

Молодой человек вздрогнул и открыл глаза.

— Съедем? — повторил Бобо.

— Нет, — сказал Джо.

— Когда ты последний раз ел? — спросил Джим.

Бобо затряс головой и стал тереть живот, изображая, что это было очень-очень давно. Джо-Джим подошел к шкафчику и вытащил кусок мяса. Джим понюхал, а Джо сморщил нос и отвернулся. Джо-Джим бросил мясо Бобо, который с восторгом поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо рысью метнулся прочь, закрыв за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленному и слегка пнул его.

— Говори, — сказал Джим. — Кто ты, Хафф тебя раздери?

Молодой человек затрясся, схватился за голову, а потом, казалось, пришел в себя, потому что вскочил на ноги, двигаясь неуклюже из-за малого веса на этом уровне, и потянулся за своим ножом.

Ножа на поясе не было.

Джо-Джим вытащил свой нож и стал поигрывать им.

— Веди себя хорошо, и тебя не тронут. Как тебя зовут?

Молодой человек облизал губы, глаза его обшаривали комнату.

— Говори, — потребовал Джо.

— Чего с ним возиться? — спросил Джим. — Я бы сказал, он только на мясо годен. Лучше позовем Бобо назад.

— Некуда спешить, — ответил Джо. — Я хочу поговорить с этим. Как тебя зовут?

Пленник снова взглянул на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ни о чем не говорит, — заметил Джим. — Кем ты работаешь? Из какой ты деревни? И что ты делал в стране мутов?

Но на этот раз Хойланд угрюмо молчал. Даже от укола ножом под ребра он только закусил губу.

— Ерунда все это, — сказал Джо. — Он просто тупой крестьянин. Брось его.

— Прикончим?

— Нет. Не сейчас. Пусть посидит взаперти.

Джо-Джим отпер крохотный закуток и, поигрывая ножом, загнал туда Хью. Потом запер дверь и вернулся к игре.

— Твой ход, Джим.

Каюта, где оказался Хью, была погружена в темноту. Мало-помалу он убедился, передвигаясь на ощупь, что, кроме гладких стальных стен и прочной, надежно запертой двери, внутри нет ничего. Тогда он лег на пол и предался бесплодным размышлениям.

Времени для раздумий у него было более чем достаточно; не один раз он погружался в сон и просыпался. Наконец его совсем измучил голод; еще сильнее хотелось пить.

Когда Джо-Джим снова вспомнил о пленнике и открыл дверь темницы, он не сразу увидел Хойланда. Много раз тот планировал, что сделает, когда дверь откроется и у него появится шанс, но, когда это случилось, он был слаб и почти без сознания. Джо-Джим выволок его наружу.

От бесцеремонного обращения Хью немного пришел в чувство. Он сел и огляделся.

— Готов говорить? — спросил Джим.

Хойланд открыл рот, но не смог произнести ни звука.

— Ты что, не видишь, что он пересох и не может слова сказать? — бросил Джо близнецу. Потом обратился к Хью: — Пить дадим — говорить будешь?

Хойланд сначала не понял, потом энергично закивал.

Через минуту Джо-Джим вернулся с кружкой воды. Хью жадно напился, помедлил и, похоже, снова потерял сознание.

Джо-Джим отобрал у него кружку.

— Пока достаточно, — сказал Джо. — Расскажи нам о себе.

Хью рассказал все. Во всех подробностях, с небольшими попутными замечаниями.

Участь раба Хью воспринял без особого сопротивления и душевного волнения. Слово «раб» не входило в его словарный запас, но такое положение было для него обыденным. Всегда были

те, кто отдавал приказы, и те, кто их исполнял, — иной ситуации и иного типа социальной организации он не мог себе представить. Такова жизнь.

Хотя, естественно, он думал о побеге.

Но только думал — и это было все, что ему удалось. Джо-Джим догадался о его мыслях и заговорил без обиняков. Начал Джо:

— Парень, не затевай ерунды. Без ножа ты и трех уровней здесь не пройдешь. Даже если сопрешь у меня нож, все равно не доберешься до уровней с большим весом. Кроме того, есть еще Бобо.

Хью чуть помедлил и переспросил:

— Бобо?

Джим ухмыльнулся и ответил:

— Мы сказали Бобо, что он сможет съесть тебя, если ты высунешь голову из каюты без нас. Теперь он спит за дверью и проводит там большую часть времени.

— Это совершенно справедливо, — вставил Джо. — Он был очень разочарован, когда мы решили приберечь тебя.

— Слушай, — предложил Джим, поворачиваясь к брату. — А как насчет поразвлечься? — Он снова посмотрел на Хью. — Умеешь бросать нож?

— Конечно, — ответил Хью.

— Посмотрим. Держи. — Джо-Джим протянул ему их нож. Хью взял, покачал его в руке, проверяя балансировку. — Бросай туда.

На дальней стене комнаты, напротив любимого стула Джо-Джима, висела пластиковая мишень, на которой он оттачивал свое мастерство. Хью прицелился и быстрым, незаметным глазу движением метнул нож. Экономичный бросок из-под руки, большой палец на лезвии, остальные вместе.

Нож закачался почти в центре мишени, в той измочаленной области, которая свидетельствовала о достижениях Джо-Джима.

— Молодец! — одобрил Джо. — Как ты думаешь, Джим?

— Дадим ему нож и посмотрим, как далеко он сможет уйти.

— Нет, — сказал Джо. — Я не согласен.

— Почему?

— Если выиграет Бобо, мы лишимся слуги. Если выиграет Хью, мы лишимся обоих. Это расточительство.

— Ну... Если ты настаиваешь...

— Ага. Хью, принеси нож.

Хью принес. Ему и в голову не пришло направить оружие в сторону Джо-Джима. Хозяин есть хозяин. Слуга не мог напасть на хозяина — и не потому, что это отвратительно с точки зрения морали, сама идея была настолько немыслима, что Хью это даже не пришло в голову.

Хью ожидал, что Джо-Джима впечатлит его ученость. Но вышло по-другому. Джо-Джим, особенно Джим, обожал спорить. Очень скоро они выжали все из Хью и отбросили его за ненадобностью, фигурально выражаясь. Хойланд почувствовал себя униженным. В конце концов, разве он не ученый? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, — сказал Джим. — Читать — это проще простого. Я умел читать, когда твой папаша еще не родился. Думаешь, ты первый ученый у нас в услужении? Ученые — ха! Толпа недоумков!

В попытке восстановить свое интеллектуальное достоинство Хью изложил теории молодых ученых, строго следующие фактам, неукоснительно реалистичные, отвергающие любую религиозную интерпретацию и рассматривающие Корабль как он есть. Хью искренне ожидал, что Джо-Джим поддержит такую точку зрения; казалось, это совпадало с его (их?) характером.

Оба расхохотались ему в лицо.

— В самом деле, — допытывался Джим, когда перестал смеяться, — неужели вы, молодые олухи, настолько глупы? Да вы еще хуже, чем ваши старики.

— Но вы же сами говорили, — обиженно запротестовал Хью, — что все общепринятые религиозные представления — это чушь. Так и мои друзья думают. Они хотят выкинуть весь этот старый хлам.

Джо начал отвечать, но Джим перебил:

— Что с ним возиться, Джо? Он безнадежен.

— Совсе нет. Мне нравится беседовать. Он первый, не знаю уж за сколько времени, с кем я могу поговорить. В общем, я хочу посмотреть, голова у него на плечах или только место, откуда уши растут.

— Ладно, — согласился Джим. — Только давайте потише. Хочу вздремнуть.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ <i>Перевод Е. Беляевой, А. Митюшкина</i>	5
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ <i>Перевод А. Шарова</i>	121
МАРСИАНКА ПОДКЕЙН <i>Перевод С. Барсова</i>	389
АСТРОНАВТ ДЖОНС <i>Перевод М. Пчелинцева</i>	549